

ВСЕМИРНЫЙ ПАНТЕОНЪ

№ 20

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИРИКА

РУССКОЕ
УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ

Всемирный Пантеонъ

№ 20

Французская лирика

перев. В. БРЮСОВА

Русское Универсальное Издательство

БЕРЛИНЪ

1 9 2 2

Типографія „В И К Т О Р І Я“, Берлінъ N 37.

Шейнгаузеръ Аллее 107а. Тел.: Humboldt 4338.

Альфредъ де-Виньи

П Р И Р О Д А.

(Отрывокъ).

Природа говорить: „Я — только сцена міра,
Театръ безстрастный я комедіи людской.
Поль изумрудовый, колонны изъ порфира
Не человѣческой сотворены рукой.
Не вижу вашихъ бѣдъ, не слышу вашихъ споровъ,
Не чувствую шаговъ мелькающихъ актеровъ,
И тщетно зрителей искать вамъ предъ собой!

„Стремлю живой потокъ, исполнена презрѣнья,
Я мимо тысячи роящихся племень.
Не отличаю я — ихъ прахъ и ихъ владѣнья,
Народы я ношу, не зная ихъ именъ.
Миѣ говорятъ: ты — мать, но я — для васъ могила.
Не помню я, кого въ день гнѣва поглотила,
Не вмешаю, кто гимнъ поетъ во мглѣ времени!

„Ужъ я была — до васъ — прекрасной и нетлѣнной.
Подъ вѣтромъ вѣчности, не смѣя отдохнуть,
Я шла по небесамъ, и маятникъ вселенной,
Качаясь, отмѣчалъ мой неизбежный путь.
И послѣ васъ, опять чиста, благоуханна,
Въ святомъ безмолвіи, пойду я неустанно,
Высоко вознеся свое чело и груди!“

МОЛЧАНІЕ.

(Отрывокъ).

О, если правда то, что въ ночь предъ страшной тайной
Сынъ человѣческой тѣ произнесъ слова,
И что, презрѣвъ нашъ міръ, какъ выкидышь случайный,
Слѣпа, глуха, нѣма надъ нами синева; —
Путь справедливости: презрительнымъ сознаньемъ
Принять отсутствіе, и отвѣчать молчаньемъ
На вѣчное молчанье Божества.

ЧИСТЫЙ РАЗУМЪ.

I.

Горда ли ты, когда меня всѣ именуютъ?
Ту гордость почерпни ты лишь изъ книгъ моихъ!
Пусть на гербѣ моемъ, надъ шлемомъ, нарисуютъ
Желѣзное перо, — знакъ, стоящій другихъ.
Прославилъ имя я, что получилъ негромкимъ,
И, древне ли оно, не все-ль равно! Потомкамъ
Узнать его, съ тѣхъ поръ какъ я слагалъ свой стихъ!

II.

Сойдя въ фамильный склепъ, гдѣ спятъ ночныя птицы,
Я предковъ сосчиталъ, былой завѣтъ храня;
Прочель пергаменты и осмотрѣлъ гробницы,
Къ печатямъ королей склоня блескъ огня.
Лишь искорка зажглась въ отвѣтъ огня.
Историкъ вашъ, отъ васъ напрасно родъ веду я:
Отнынѣ вамъ вести весь родъ свой — отъ меня!

III.

Вы были властными въ своихъ дворцахъ наслѣдныхъ,
Передъ ликомъ Господа ловцами, какъ Немродъ;
Оленей гнали вы изъ рощей заповѣдныхъ
Въ поля, туда, гдѣ смерть ихъ, наконецъ, найдетъ;
Скакали бѣшено по нивамъ двухъ провинцій,
Забывъ о королѣ, не думая о принцѣ,
Волковъ и кабановъ сражали въ ихъ чередъ.

IV.

Вы были воины на сушѣ и на морѣ;
Долгъ чести вы блюли всегда, грозя бѣдой
Фрегатамъ англичанъ, топя ихъ въ буйномъ спорѣ
Близъ Нанкиновъ и Лимъ, подъ вспѣнной волной;
На красныхъ каблукахъ, потомъ, — покинувъ дали, —
Гордяся ранами, надушены, въ Версалѣ,
Болтали въ Oeil-de-boeuf вы, на пути домой.

V.

Вы Босіи родной вовѣкъ не измѣняли!
Вы подарили ей такъ много сыновей,
Вы дочерей своихъ съ сосѣдями вѣнчали,
И не искалъ вашъ родъ возвышенныхъ честей:
Довольны были вы наградой невеликой:
На шлемѣ видѣть крестъ святого Людовика,
Какъ то намъ говорятъ портреты старыхъ дней.

VI.

Но ни одинъ изъ васъ, разставшись съ бранной долей,
Не могъ совсѣмъ забыть лихого скакуна,
Испанскому коню дать погулять на волѣ,
Съ охотничьихъ кобылъ снять на-день стремена,
Чтобъ въ книгѣ написать, намъ рассказать строками,
О томъ, какъ жилъ вашъ вѣкъ, что видѣли вы сами,
Предъ тѣмъ, какъ стала вамъ любезна тишина.

VII.

Вы умерли, вѣнкомъ не увѣнчавъ кирасы...
На дискѣ золотомъ Исторія сама
Теперь напишетъ: „Здѣсь прошли двѣ разныхъ расы;
Вторая входитъ въ храмъ, предъ ней рѣдѣетъ тьма.
И имя впишется не посреди бесплодныхъ
Именъ воителей и богачей холодныхъ, —
На дѣвственныхъ листахъ въ исторіи у м а“.

VIII.

Твоя пришла пора, умъ чистый, царь вселенной!
Твое лазурное крыло, въ ночи глухой,
Блеснуло въ первый разъ, когда войной безсмѣнной
Здѣсь предки тѣшились, а нынѣ мѣръ весь — твой!
Ты чертишь рядъ письменъ, порой на вѣкъ могучихъ,
На твердомъ мраморѣ и на пескахъ зыбучихъ,
О, голубь — мѣдноклювъ! о, зримый духъ святой!

IX.

Послѣднее звено отъ двухъ цѣпей разбитыхъ —
Лишь я. На высотахъ, слѣдя движенье лѣтъ,
Храню я, словно стражъ музейныхъ знаменитыхъ,
Поэта идеаль и мудрецовъ завѣтъ.
И видѣлъ я порой, за двадцать лѣтъ молчанья,
Что Франція опять, мои почтивъ созданья,
Приноситъ мнѣ цвѣты и радостный привѣтъ.

X.

Потомство юное пѣвца еще живого,
Васъ любящаго! Вы, въ себѣ мой ликъ храня,
Какъ въ зеркалѣ, меня являете мнѣ снова,
И вновь я — судія трудовъ былого дня!
И, если вы ко мнѣ, мои друзья и дѣти
Придете нѣкогда, чрезъ рядъ десятилѣтій,
Чтобъ вслушаться въ мой стихъ, — достаточно съ меня!

Викторъ Гюго

МОТЫЛЕКЪ И РОЗА.

Шептала Мотыльку застѣнчивая Роза:

„О, милый мой!
Не схожи мы судьбой: я вѣчно здѣсь; какъ греза,
Ты надо мной!

„Другъ друга любимъ мы; моя земная доля
Тебѣ близка,
И часто кажется, что на просторѣ поля
Мы — два цвѣтка!

Но я прикована, а вѣтерка дыханье
Тебя влечетъ,
И тщетно я хочу струить благоуханье
На твой полетъ!

„Вспорхнувъ, ты радостно уносишься надъ лугомъ
Въ лазурный день!
А я слѣжу, какъ здѣсь меня обходитъ кругомъ
Моя же тѣнь!

„То улетаешь ты, то близко; то со мною,
То въ небесахъ.
И я покорно жду, но съ каждою зарею
Я вся въ слезахъ.

„О, царь мой! чтобъ могли мы оба, безъ усилья,
Дышать любя,
Прильни къ землѣ какъ я, иль дай мнѣ тоже крылья,
Какъ у тебя!“

ПИСАНО ВЪ 1853 г.

О, родина! когда безъ силы
Ты предъ тираномъ пала ницъ,
Раздастся пѣсня изъ могилы —
Въ отвѣтъ на стоны изъ темницъ!

Изгнанникъ, стану я у моря,
Какъ черный призракъ на скалѣ,
И, съ гуломъ волнъ прибрежныхъ споря,
Мой голосъ зазвучитъ во мглѣ;

И эти яростные звуки
Вокругъ сіянье разольютъ;
Какъ чьи то пламенные руки
Мечами сумракъ разсѣкутъ;

Какъ громы, грянуть на колонны,
На глыбы неподвижныхъ горъ,
Чтобъ, свѣтомъ молній озаренный,
Затрепеталъ тревожно боръ;

Какъ нѣкій колоколъ гудящій,
Угрюмыхъ вороновъ вспугнуть,
И на могилахъ стебель спящій
Дыханьемъ вѣщимъ шелохнуть!

Я крикну: „Горе беззаконнымъ!
Насильники, убійцы — вамъ!“
И воззову я къ душамъ соннымъ,
Какъ вождь къ смутившимся бойцамъ.

И вѣрю: откликами встрѣтятъ
Набать моихъ суровыхъ словъ.
Когда-жъ живые не отвѣтятъ,
Возстанутъ мертвые на зовъ.

В Е Ч Е Р Ъ.

Полнеба сумракомъ объято.
Присѣвъ у двери, какъ всегда,
Любуюсь я, какъ лучъ заката
Святить послѣдній часъ труда.

Тамъ, гдѣ поля омыты мглами, —
Лохмотья старика, смущень,
Я вижу: въ борозды горстями
Грядущій сѣвъ бросаетъ онъ.

Высокимъ чернымъ очертаньемъ
Царя надъ глубиной полей,
Съ какимъ спокойнымъ упованьемъ
Онъ ждетъ благого бѣга дней:

Идетъ средь сумрака пустаго,
Впередъ, назадъ; найдя между,
Бросаетъ горсть, уходитъ снова...
Свидѣтель темный, я слѣжу.

А тѣнь, раскидывая крылья,
Величить образъ старика,
И кажется, что безъ усилія
До звѣздъ взнеслась его рука.

О Р Ф Е Й.

Ты мнѣ свидѣтелемъ, потокъ шестиисточный,
Ты, Зевсъ, по волѣ чьей влекутъ въ тиши полночной
И Рею шесть быковъ и Сумракъ шесть коней,
Ты, великановъ родъ, ты, племя нашихъ дней,
Плутонъ, губящій насъ, Уранъ, создатель свѣта: —
Ту дѣву я люблю и слышаль рѣчь обѣта!
Внемли мнѣ, Поссейдонъ, шумъ моря заглуша:
Я — человѣчества поющая душа!
И я люблю! Туманъ дрожитъ предъ силой утра,
Дождь подъ лучемъ блеститъ какъ искры перламутра.
Борей качаетъ лѣсъ, Зефиръ — поля весны,
— Такъ въ насъ двоихъ сердца любовью смущены!
Навѣки ту люблю, чье имя Эвредика.
Иначе пусть умру одинъ въ пустынь дикой,
Пусть гибнуть всѣ цвѣты и жатва всѣхъ полей...

Священныя слова таите отъ людей.

СОЛОМОНЪ.

Я царь, ниспосланный на подвигъ роковой.
Я воздвигаю храмъ, я сокрушаю грады.
Харось, мой вѣрный вождь, Хирамъ, строитель мой,
Моимъ велѣньямъ рады.

Одинъ — мой острый мечъ, другой — мой тяжкій млатъ.
Повелѣваю — я, а имъ и трудъ и думы.
Но выше грезъ моихъ вовѣки не взлетятъ
Ливійскіе самумы.

Я сынъ грѣха, но полнъ, — какъ кубокъ мой виномъ, —
Безмѣрной мудростью, вѣщаю правду съ трона;
И Дьяволъ выбралъ бы межъ нимъ и Божествомъ
Судьею Соломона.

Я царь среди царей, среди пѣвцовъ пѣвецъ.
Владыка — страшень я, слагатель пѣсенъ — сладокъ.
Я славой ужасну, и увлеку, какъ жрецъ,
Въ нѣмую тьму загадокъ.

Видѣнья были мнѣ: я зрѣлъ возженья словъ
На дерзостномъ пиру, подъ взмахомъ дивной длани.
До глубины постигъ всю суету вѣковъ, —
Богатства, силы знаній.

Такъ. Я великъ во всемъ. Стою я какъ кумиръ.
Таинственень какъ садъ, кругомъ запечатлѣнный.
Отнынѣ мнѣ всегда дивиться будетъ мѣръ, —
Я вѣченъ во вселенной.

И если можетъ Богъ лишить меня вѣнца,
И вырвать скиптръ изъ рукъ, стрѣльцовъ низвергнуть
съ башень,
То властенъ ли и Онъ разъединять сердца?
— Мнѣ часъ такой не страшень!

О дѣва юная! цвѣтокъ саронскихъ горъ!
Какъ мѣсяцъ въ лонѣ водъ, твой дѣтскій ликъ чудесенъ!
И въ сердцѣ ты всегда, — такъ птицамъ темный боръ
Даетъ пріютъ для пѣсенъ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА.

Бывало, города смирялъ ты безъ усилъя.
Мадридъ и Ратисбонъ, Варшава и Севилья,
Неаполь пламенный и Вѣна предъ тобой,
О Цезарь! падали. Ты лишь наморщишь брови.
И ступитъ гвардія: при кликахъ славословій
Побѣдой конченъ бой!

Однимъ сраженіемъ, какъ роковой десницей,
Ты повергалъ во прахъ столицу за столицей.
Шумъ Іены прогремѣлъ, — и гордую главу
Склонилъ Берлинъ; вели тебя неутомимо
Аркола въ Мантую, Маренго — въ стѣны Рима,
Бородино — въ Москву!

Завоевать Парижъ — труднѣе! градъ священный
Побѣды требовалъ великой, несравненной.
Блистательная цѣль усилій крайнихъ, онъ
Тогда лишь уступилъ, когда вѣнецъ лавровый
Вновь увѣнчалъ тебя, какъ знакъ побѣды новой, —
Въ странѣ, гдѣ смерти тронъ.

Чтобъ покорить Парижъ, ты долженъ былъ изъ гроба
Завоевать умы, торжествовать надъ злобой,
Европы сдѣлаться и сердцемъ и душой,
И передъ міромъ встать, въ своемъ величьи строгомъ,
Какимъ-то призракомъ, почти что полубогомъ,
Иль тѣнью неземной!

О солнце нашихъ дней! всѣ звѣзды вихремъ свѣта
Ты долженъ былъ затмить: сиянье Лафайэта
И пламя Мирабо! и, разогнавъ туманъ,
Изъ отдаленныхъ странъ подняться величаво,
Гдѣ славу вѣчную смѣшалъ съ твоею славой
Безмѣрный океанъ.

Альфредъ де-Мюссе

* * *

Слабому сердцу посмѣлъ я сказать:
Будеть, ахъ, будетъ любви предаваться!
Развѣ не видишь, что вѣчно мѣняться —
Значить въ желаньяхъ блаженство терять?

Сердце мнѣ, сердце шепнуло въ отвѣтъ:
Нѣтъ, не довольно рыдать и терзаться!
Слаще тому, кто умѣетъ мѣняться,
Радости прошлыя, то, чего нѣтъ!

Слабому сердцу посмѣлъ я сказать:
Будеть, ахъ, будетъ рыдать и терзаться,
Развѣ не видишь, что вѣчно мѣняться,
Значить напрасно и вѣчно страдать?

Сердце мнѣ, сердце шепнуло въ отвѣтъ:
Нѣтъ, не довольно рыдать и терзаться!
Слаще тому, кто умѣетъ мѣняться,
Горести прошлыя, то, чего нѣтъ!

У М Е Р Ш Е И.

Прекрасна-ль ночь, что тихо спитъ
Въ часовнѣ темной, безучастно,
Гдѣ ложе Анджело стоитъ?
Тогда она была прекрасна.

Сердечна-ль та, что золотой
Дождь сыплеть по пути, безпечно,
Не зная жалости земной?
Тогда она была сердечна.

Мечта ли — нѣжный голосокъ,
Что нѣчто шепчетъ, безъ начала
И безъ конца, какъ ручеекъ
Въ поляхъ? Тогда она мечтала.

Молитва-ль — вспышка ясныхъ глазъ,
Что то на землю устремилась,
То вновь предъ небомъ, какъ алмазь,
Горить? Тогда она молилась.

И если-бъ чашечка цвѣтка,
Что никогда не раскрывалась,
Могла дрожать отъ вѣтерка,
Она бы тоже улыбалась.

И если-бъ въ скорбные часы
Ей на руку, какъ съ пышной розы,
Упали капельки росы,
Она бы тоже знала слезы.

И если-бъ гордость, до конца,
Ей бесполезно не свѣтила,
Какъ свѣчи гробу мертвеца,
Она бы тоже и любила.

Но умерла она, не живъ,
Подобіе лишь жизни зная,
Изъ рукъ ту книгу уронивъ,
Что продержала, не читая.

Теофиль Готье

КАРМЕНЪ.

Она худа. Глаза какъ сливы;
Въ нихъ уголь спрятала она;
Зловѣщи кось ея отливы;
Дубиль ей кожу сатана!

Она дурна, — вотъ судъ сосѣдскій.
Къ ней льнуть мужчины тѣмъ сильнѣй.
Есть слухъ, что мессу пѣлъ Толедскій
Архіепископъ передъ ней.

У ней надъ шеей смугло-бѣлой
Шиньонъ громадный черныхъ кось;
Она все маленькое тѣло,
Раздѣвшись, прячетъ въ плащъ волосъ.

Она лицомъ блѣдна, но брови
Чернѣютъ и алѣтъ ротъ:
Окрашенъ цвѣтомъ страстной крови,
Цвѣтокъ багряный, красный медъ!

Нѣтъ! Съ мавританкою подобной
Красавицъ нашихъ не сравнять!
Сіянье глазъ ея способно
Пресыщенность — разжечь опять.

Въ ея прельстительности скрыта,
Быть можетъ, соль пучины той,
Откуда, древле, Афродита
Всплыла прекрасной и нагой!

ПЕРВАЯ УЛЫБКА ВЕСНЫ.

Пока заботой повседневной
Мы заняты и смущены, —
Смѣясь подъ ливнемъ, Мартъ безгнѣвный
Готовить таинства весны.

Выходить на лужокъ зеленый
И, притаясь, когда все спитъ,
Подснѣжниковъ бѣлить бутоны
И одуванчики желтить.

На всѣ затѣи пудры бѣлой
Ему, проказнику, не жаль:
То яблоню осыплетъ смѣло,
То въ иней уберетъ миндаль.

Природа спитъ, дыша устало,
Подъ долгій, скучный шумъ дождей,
А онъ, смѣясь, на одѣяло
Бутоны розъ бросаетъ ей!

Вбѣгая въ лѣсъ гостепріимный,
Фіалки сѣетъ онъ, а самъ
Насвистываетъ тихо гимны,
Подсказывая ихъ дроздамъ.

Онъ у ключа, гдѣ пьютъ олени, —
Пугливо дали оглядѣвъ, —
Выращиваетъ, чуждый лѣни,
Прозрачныхъ ландышей посѣвъ.

И межъ ползучей повилики
Сажаетъ пышные кусты
Лѣсной пахучей земляники,
Чтобъ лѣтомъ веселилась ты!

И, видя, что въ лѣсу и въ полѣ
Его работа свершена,
Безъ ропота, покорный долѣ,
Онъ шепчетъ: „Приходи, весна!“

ЛУКСОРСКІЙ ОБЕЛИСКЪ.

(Отрывокъ).

Приставлень, сторожъ одинокій,
Къ опустошенному дворцу,
Дремлю я, обелискъ высокій,
Предъ вѣчностью — лицомъ къ лицу.

Подъ солнечнымъ жестокимъ взоромъ,
Безплодный и нѣмой песокъ,
По неогляднымъ кругозорамъ,
Свой желтый саванъ проволокъ.

Надъ обнаженною пустыней
Другой пустыни глубина,
Какъ куполь безпощадно синій,
Висить, всегда обнажена.

Исполненъ тягостно дремоты,
Палимъ лучомъ отвѣснымъ, Ниль,
Гдѣ тяжело дышать бегемоты,
Свинцовымъ зеркаломъ застыль.

Прожорливые крокодилы,
На зноѣ растянувшись въ рядъ,
Подняться не имѣя силы,
Полусваренные хрипятъ.

Какъ будто разбирая что-то,
Стоить, на тоненькой ногѣ,
Предъ надписью священной Тота
Недвижный ибисъ вдалькѣ.

Гиена плачетъ и смѣется;
Шакаль мяучить; надо мной
Съ протяжнымъ пискомъ ястребъ вьется, —
Въ лазури, — черной запятой.

Но эти возгласы покрыты
Зѣвотой сфинкса, что усталъ, —
Среди глухихъ пустынь забытый, —
Давить свой вѣчный пьедесталь.

Дитя земли, всегда палимой,
И бѣлыхъ отблесковъ песка, —
Ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ ты не сравнима
Востока жгучая тоска!

ИСКУССТВО.

Да, тѣмъ твореніе прекраснѣй,
Чѣмъ нами взятый матерьяль
Намъ неподвластнѣй:
Стихъ, мраморъ, сардониксъ, металлъ.

Не надо хитростей мишурныхъ,
Но, прямо чтобъ идти, ремни
Ты на котурнахъ
У Музы туже затяни!

Прочь, ритмъ знакомый и удобный,
Какъ черезъ-чуръ большой башмакъ,
Сегодня модный,
Что носить и бросаетъ всякъ!

Ваятель! глину, что покорно
Подъ пальцемъ уступаетъ, кинь,
Когда упорно
Мечты летятъ въ святую синь.

Борись съ Каррарской глыбой, мѣткой
Рукою крѣпкій Парось бей,
Чтобъ камень рѣдкій
Хранилъ изгибъ черты твоей.

Довѣрься бронзѣ несравненной
Изъ Сиракузь, въ которой ликъ
Ввѣкъ неизмѣнный
Живетъ, прекрасенъ и великъ.

Пусть осторожный соглядатай,
Отыщеть вѣрный твой рѣзецъ
Въ кускѣ агата
Ликъ Феба и его вѣнецъ.

Стремись, художникъ, къ высшей цѣли:
Смѣнить тебѣ не будетъ жаль
Блескъ акварели
На печь, гдѣ плавится эмаль.

Твори сирень, — родъ синеокій, —
Свивающихъ на сто ладовъ
Свой хвостъ широкій,
Чудовищъ золотыхъ гербовъ;

Рисуй тройное озаренье
Надъ ликомъ Дѣвы и Христа
И возвышенье
Голгофы съ знаменьемъ Креста.

Проходить все. — Одно искусство
Творить способно навсегда.
Такъ мраморъ бюста
Переживаетъ города.

Медаль простая, что находить
Плугъ пахаря средь пустыря,
Опять выводитъ
На свѣтъ забытаго царя.

И сами боги умирають,
Но строки царственные строфъ, —
Тѣ пребываютъ
Нетлѣнными въ ряду вѣковъ.

Ваяй, шлифуй, чекань медали!
Твои витающіе сны
На вѣчной стали
Да будутъ запечатлѣны!

ГИППОПОТАМЪ.

Въ непроходимыхъ джунгляхъ Явы,
Свой мощный торсъ гиппопотамъ
Влачитъ сквозь заросли и травы,
Среди чудовищъ, скрытыхъ тамъ.

Боа свиваются и свищутъ,
Рычатъ неукротимый тигръ
И буйволы стадами ищутъ
Луговъ для паствы и для игръ.

Онъ не боится ассагаевъ,
Ему всѣ стрѣлы — ничего,
И пули жалкія сипаевъ,
Отскакиваютъ отъ него.

Какъ защищенъ отъ нападеній
Могучей кожей бегемотъ, —
Такъ подъ кольчугой убѣжденій
Безъ страха я иду впередъ.

Шарль Бодлэръ

К Р А С О Т А .

О смертный! какъ мечта изъ камня, я прекрасна!
И грудь моя, что всѣхъ погубить чередой,
Сердца художниковъ томить любовью властно,
Подобной веществу, предвѣчной и нѣмой.

Въ лазури царствую я сфинксомъ непостижнымъ;
Какъ лебедь, я бѣла и холодна, какъ снѣгъ;
Презрѣвъ движеніе, люблюсь неподвижнымъ;
Вовѣкъ я не смѣюсь, не плачу я вовѣкъ.

Я — строгій образецъ для гордыхъ изваяній,
И, съ тщетной жаждою насытить гладь мечтаній,
Поэты предо мной склоняются во прахъ.

Но ихъ ко мнѣ влечеть, покорныхъ и влюбленныхъ,
Сіянье вѣчности въ моихъ глазахъ безсонныхъ,
Гдѣ все прекраснѣе, какъ въ чистыхъ зеркалахъ.

ЭКЗОТИЧЕСКИЙ АРОМАТЪ.

Когда, закрывъ глаза, я, въ душный вечеръ лѣта,
Вдыхаю ароматъ твоихъ нагихъ грудей,
Я вижу предъ собой побережя морей,
Залитыхъ яркостью однообразной свѣта.

Лѣнивый островъ, гдѣ природой всѣмъ даны
Деревья странныя съ мясистыми плодами;
Мужчинъ, съ могучими и стройными тѣлами,
И женщинъ, чьи глаза безпечною полны.

За острымъ запахомъ скользя къ счастливымъ
странамъ,
Я вижу портъ, что полнъ и мачтъ и парусовъ,
Еще измученныхъ борьбою съ океаномъ,

И тамариндовыхъ дыханіе лѣсовъ,
Что входитъ въ грудь мою, плывя къ водѣ съ
откосовъ,
Мѣшается въ душѣ съ напѣвами матросовъ.

НЕПОКОРНЫЙ.

Крылатый серафимъ, упавъ съ лазури ясной
Орломъ на грѣшника, схватилъ его, кляня,
Трясетъ за волосы и говоритъ: „Несчастный!
Я — добрый ангелъ твой! узналъ ли ты меня?

„Ты долженъ всѣхъ любить любовью неизмѣнной:
Злодѣевъ, немощныхъ, глупцовъ и горбуновъ,
Чтобъ милосердіемъ ты могъ соткать смиренно
Торжественный коверъ для Господа шаговъ!

„Пока въ твоей душѣ есть страсти хоть немного,
Зажги свою любовь на пламенникѣ Бога,
Какъ слабый лучъ прильни къ предвѣчному лучу!“

И ангелъ, грѣшника терзая беспощадно,
Разитъ несчастнаго своей рукой громадной,
Но отвѣчаетъ тотъ упорно: „Не хочу!“

ВЕЧЕРНІЯ СУМЕРКИ.

Вотъ вечеръ сладостный, всѣхъ преступленій другъ.
Таясь, онъ близится, какъ сообщникъ; вокругъ
Смыкаетъ тихо ночь и завѣсы и двери,
И люди, торопясь, становятся — какъ звѣри!
О вечеръ, милый братъ, твоя желанна тѣнь
Тому, кто могъ сказать, не обманувъ: „Весь день
Работалъ нынче я“. — Даешь ты утѣшенья
Тому, чей жадный умъ томится отъ мученья;
Ты, какъ рабочему, бредущему уснуть,
Даешь мыслительно возможность отдохнуть...
Но злые демоны, раскрывъ слѣпныя очи,
Проснувшись, какъ дѣлцы, — летаютъ въ сферѣ ночи,
Толкаясь крыльями у ставенъ и дверей.
И проституція вздымаетъ межъ огней,
Дрожащихъ на вѣтру, свой свѣточъ ядовитый...
Какъ въ муравейникѣ всѣ выходы открыты;
И какъ коварный врагъ, который мраку радъ,
Повсюду тайный путь творитъ себѣ Развратъ.
Онъ къ груди города припавъ, неутомимо
Ее сосетъ. — Межъ тѣмъ восходятъ клубы дыма
Изъ трубъ надъ кухнями; доносится порой
Театра тявканье, оркестра ревъ глухой.
Въ притонахъ для игры уже давно засѣли
Во фракахъ шулера, среди ночныхъ камелій...
И скоро въ темнотѣ обыкновенный воръ
Пойдетъ на промыслъ свой — ломать замки конторъ,
И кассы раскрывать, — чтобъ можно было снова
Своей любовницѣ дать щегольнуть обновой.
Замри моя душа, въ тяжелый этотъ часъ!
Весь этотъ дикій бредъ, пусть не дойдетъ до насъ!
То — часъ, когда больныхъ томительнѣе муки;
Береть за горло ихъ глухая ночь; разлуки
Со всѣмъ, что въ мірѣ есть, приходитъ череда.
Больницы полнятся ихъ стонами. — О да!
Не всѣмъ имъ суждено и завтра встрѣтить взглядомъ
Благоуханный супъ, съ своей подругой рядомъ!
А, впрочемъ, многіе вовѣки, можетъ быть,
Не знали очага, не начинали жить!

А В Е Л Ъ И К А И Н Ъ .

Авеля дѣти, дремлите, питайтесь,
Богъ на васъ смотритъ съ улыбкой во взорѣ.

Каина дѣти, въ грязи пресмыкайтесь,
И умирайте въ несчастьи, въ позорѣ!

Авеля дѣти, отъ васъ всесожженья
Къ небу возносятся прямо и смѣло.

Каина дѣти, а ваши мученья
Будутъ ли длиться всегда, безъ предѣла?

Авеля дѣти, все сдѣлано, чтобы
Въ вашихъ поляхъ были тучными злаки.

Каина дѣти, а ваши утробы
Стонутъ отъ голода, словно собаки.

Авеля дѣти, подъ ласковымъ кровомъ,
Вамъ и въ холодную зиму не хуже!

Каина дѣти, подъ вѣтромъ суровымъ,
Въ вашихъ пещерахъ дрожать вамъ отъ стужи!

Авеля дѣти, любите, плодитесь,
Пусть васъ замѣнятъ дѣтей вашихъ дѣти.

Каина дѣти, любить берегитесь,
Бѣдныхъ и такъ ужъ довольно на свѣтѣ!

Авеля дѣти, васъ много, васъ много,
Словно лѣсные клопы вы безъ счета!

Каина дѣти, проклятой дорогой
Жалко влачитесь съ тоской и заботой!

II.

Авеля дѣти! но вскорѣ! но вскорѣ!
Прахомъ своимъ вы удобрите поле!

Каина дѣти! кончается горе,
Время настало, чтобъ быть вамъ на волѣ!

Авеля дѣти! теперь берегитесь!
Зовъ на послѣднюю битву я внемлю!

Каина дѣти! на небо взберитесь!
Сбросьте неправого Бога на землю!

П Р И В И Д Ъ Н І Е.

Я, какъ ангель со взоромъ суровымъ,
Подъ твоимъ буду снова альковымъ.
Я смутить не хочу тишину,
Съ тѣнью ночи къ тебѣ я скользну.

И къ тебѣ прикоснусь я лобзаньемъ,
Словно луннымъ холоднымъ сияньемъ;
Ты почувствуешь ласки мои,
Какъ скользящей въ могилѣ змѣи.

Утро блѣдное снова ты встрѣтишь,
Но пустымъ мое мѣсто замѣтишь,
И остынетъ оно при лучахъ.

Пусть другіе подходятъ съ мольбою:
Чтобъ владѣть твоей юной красою,
Я избралъ средство лучшее — страхъ.

Стефанъ Маллармэ

ИЗЪ ПОЭМЫ „ИРОДІАДА“.

(Отрывокъ).

Люблю проклятіе быть дѣвственной! межъ грезъ
Жить ужасомъ своихъ распущенныхъ волосъ!
Какъ звѣрь нетронутый, на дѣвичьей постели,
Вновь вѣдать, вечеромъ, на безполезномъ тѣлѣ,
Твое мерцаніе, твой блѣдный, хладный свѣтъ,
О ночь, владычица молчанья и планетъ!
О вѣчная сестра! ты царствуешь, нагая,
Отъ непрочности сгорая, умирая...
Къ тебѣ стремленія восходятъ; я — какъ ты,
И странной ясностью мои сквозятъ мечты!
Я вновь одна въ моей странѣ однообразной,
А все вокругъ меня исполнено соблазна,
Впивая въ зеркалѣ, въ его тиши нѣмой, —
Со взоромъ пламеннымъ, алмазнымъ — обликъ мой.

Л Е Б Е Д Ь.

Безсмертный, дѣвственный, властитель красоты,
Ликующимъ крыломъ ты разобьешь ли нынѣ
Былое озеро, гдѣ спить, окованъ въ иней,
Полетовъ ясный ледъ, не знавшихъ высоты!

О, лебедь прошлыхъ дней, ты помнишь: это ты!
Но тщетно, царственный, ты борешься съ пустыней:
Уже блеститъ зима безжизненныхъ унынй,
А странъ, гдѣ жить тебѣ, не создали мечты.

Бѣлѣющую смерть твоя колеблетъ шея,
Пространство властное ты отрицаешь, но
Въ ихъ ужасы крыло зажато, все слабѣя.

О приракъ, въ этой мглѣ мерцающій давно!
Ты облакаешься презрѣнья сномъ холоднымъ,
Въ своемъ изгнаніи, — ненужномъ и бесплодномъ!

Поль Верленъ

ПРИВЫЧНАЯ МЕЧТА.

Мнѣ часто видится завѣтная мечта, —
Безвѣстной женщины любимой и желанной.
Но каждый разъ она и не совсѣмъ не та,
И не совсѣмъ одна, — и-это сердцу странно.

Но ея я любимъ любовью неустанной!
Для ней одной, увы! моя душа чиста,
Для ней одной въ душѣ свѣтлѣть, что туманно,
И счастье мнѣ даюť одни ея уста.

Смугла она? блѣдна? красива? — я не знаю.
Но имя мнѣ звучить нѣжнѣй, чѣмъ имена
Всѣхъ тѣхъ, кого я зналъ, когда былъ близокъ раю.

Въ манящемъ голосѣ она таитъ одна
Всѣ звуки голосовъ, отторгнутыхъ утратой,
И тихій взоръ ея подобенъ взору статуи.

СІЯНІЕ ЛУНЫ.

Къ вамъ въ душу заглянувъ сквозь ласковые глазки,
Я увидалъ бы тамъ изысканный пейзажъ,
Гдѣ бродятъ съ лютнями причудливыя маски,
Съ маркизою Пьерро и съ Коломбиной пажъ.

Поютъ онѣ любовь и славятъ сладострастье,
Но на минорный ладъ звучитъ напѣвъ струны,
И, кажется, онѣ не вѣрятъ сами въ счастье,
И пѣсня ихъ слита съ сіяніемъ луны.

Съ сіяніемъ луны, печальнымъ и прекраснымъ,
Въ которомъ, опьяненъ, имъ соловей поетъ,
И плачется струя въ томленіи напрасномъ,
Блестящая струя, спадая въ водометь.

ОСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Долгія пени
Скрипки осенней,
Зовъ неотвязный,
Сердце мнѣ ранять,
Думы туманять,
Однообразно.

Сплю, холодѣю,
Вздогнувъ, блѣднѣю
Съ боемъ полночи.
Вспомнится что-то.
Все безъ отчета
Выплачуть очи.

Выйду я въ поле.
Вѣтеръ на волѣ
Мечется, смѣлый.
Схватитъ онъ, броситъ,
Словно уносить
Листъ пожелтѣлый.

---

* * *

И мѣсяць бѣлый
Въ лѣсу горитъ,
И зовъ несмѣлый
Съ вѣтвей летитъ,
Насъ достигая...

О, дорогая!

Тамъ прудъ сверкаетъ —
(Зеркальность водъ!)
Онъ отражаетъ
Весь хороводъ
Кустовъ прибрежныхъ...

Часть сказокъ нѣжныхъ.

Глубокой, полный
Покой и миръ
Струитъ, какъ волны,
Къ землѣ — эфиръ,
Весь огнецвѣтный...

О, мигъ завѣтный!

* * *

Небо надъ городомъ плачетъ
Плачетъ и сердце мое.
Что оно, что оно значить,
Это унынье мое?

И по землѣ и по крышамъ
Ласковый лепетъ дождя.
Сердцу печальному слышенъ
Ласковый лепетъ дождя.

Что ты лепечешь, ненастье?
Сердца печаль безъ причинъ...
Да! ни измѣны, ни счастья, —
Сердца печаль безъ причинъ.

Какъ то особенно больно
Плакать въ тиши ни о чемъ.
Плачу, но плачу невольно,
Плачу, не зная о чемъ.

* * *

По тоскѣ безмѣрной,
По равнинѣ снѣжной,
Что блеститъ невѣрно,
Какъ песокъ прибрежный?

Нѣтъ на тверди мѣдной
Ни мерцанья свѣта.
Мѣсяцъ глянулъ гдѣ-то
И исчезъ безслѣдно.

Какъ сквозь дымъ летучій,
На краю равнины
Видятся вершины
Бора, словно тучи.

Нѣтъ на тверди мѣдной
Ни мерцанья свѣта.
Мѣсяцъ глянулъ гдѣ-то
И исчезъ безслѣдно.

Чу! кричатъ вороны!
Воетъ волкъ голодный,
Здѣсь въ степи холодной
Властелинъ законный!

По тоскѣ безмѣрной,
По равнинѣ снѣжной,
Что блеститъ невѣрно,
Какъ песокъ прибрежный?

---

* * *

Надежда чуть блеститъ, какъ подь окномъ солома.
Не бойся: пролетѣлъ полетомъ пьяный шмель.
Закатные лучи стремятся пылью въ щель.
На руки голову склони и спи. Ты дома.

О бѣдный, блѣдный другъ, испей воды хотя
Холодной. Послѣ спи. Я здѣсь; взгляни: мы двое.
Баюкать буду я, а ты мечтай въ покоѣ
И тихо подпѣвай, какъ малое дитя.

Бьетъ полдень. Онъ уснулъ. Изъ жалости уйдите.
Какъ женскіе шаги томительны въ мозгу
Отверженцевъ больныхъ, что грезять о защитѣ!

Бьетъ полдень. О усни! Давно не нужны слезы.
Надежда чуть блеститъ, какъ камень на лугу...
Когда сентябрьскія опять воскреснутъ розы!

---

* * *

Огромный, черный сонъ
Смежилъ мнѣ тяжело вѣжды.
Замри, ненужный стонъ,
Усните всѣ надежды!

Кругомъ слѣпая мгла.
Теряю я сознанье,
Гдѣ грань добра и зла...
О, грустное преданье!

Я — колыбель. Слегка
Ее качаетъ въ нишѣ
Незримая рука.
О тише, тише, тише!

---

* * *

Небосводъ надъ этой крышей
Такъ высокъ, такъ чистъ!
Темный вязъ надъ этой крышей
Наклоняетъ листь.

Въ небѣ синемъ и высокомъ
Колокольный звонъ.
Чу! На деревѣ высокомъ —
Птицы тихій стонъ,

Боже! все, какъ въ пѣснѣ птицы,
Мирно предо мной,
Лишь вдали звучитъ столицы
Яростный приборъ...

— „Что жъ ты сдѣлалъ, ты, что плачешь,
Много, много дней,
Что жъ ты сдѣлалъ, ты, что плачешь,
Съ юностью своей“.

* * *

Жизнь скромная, съ ея нетрудными трудами!
Въ ней цѣлый подвигъ есть — служеніе любви!
Веселымъ быть, слѣдя все тѣ же дни за днями,
Быть сильнымъ, чувствуя, что гаснетъ жаръ въ крови!

Знать, слышать въ городахъ, межъ всѣми голосами,
О, Боже! лишь одно — колокола твои!
И, повинясь самъ велѣнію: „живи!“
Свой голосъ смѣшивать съ гудящими волнами!

Съ желаньемъ каяться — межъ грѣшниками жить,
Любить молчаніе — и все жъ бесѣды длить!
О, долгіе часы, здѣсь въ жизненной пустынѣ,

Сомнѣнья дѣтскія раскаяній живыхъ
И тщетныя мечты о радостяхъ святыхъ...
— „Прочь!“ Ангелъ говоритъ: „все доводы гордыни!“

ХРОМОЙ СОНЕТЪ.

О, нѣтъ! во-истину, все это слишкомъ больно!
Несчастливымъ можно-ль быть, какъ я теперь?
Здѣсь умираю я, какъ бѣдный, жалкій звѣрь,
А зрители кругомъ безпечны и довольны!

О городъ Библии! О Лондонъ! Дымъ, шумъ, адъ,
И газъ мерцающій, и вывѣсокъ сверканье!
И стиснуты дома: какъ будто засѣданье
Упрямыхъ стариковъ, — чудовищный сенатъ!

Все прошлое кричитъ, вопить, мяучить, скачетъ,
Въ туманѣ розовомъ и грязномъ, гдѣ sohos
Царить, и вмѣстѣ съ нимъ: indeeds, all rights, haos!

О, нѣтъ, во-истину все это слишкомъ грустно,
И силы нѣтъ терпѣть тѣ пытки безъ надеждъ...
О городъ Библии! о, гдѣ жъ огонь съ небесъ!

ПѢСНЯ КЪ НЕЙ.

Мнѣ говорятъ, что ты — блондинка,
И что блондинка — невѣрна,
И добавляютъ: „какъ былинка...“
Но мнѣ такая рѣчь смѣшна!
Твой глазъ — яснѣе, чѣмъ росинка,
До губъ твоихъ — душа жадна!

Мнѣ говорятъ, что ты — брюнетка,
Что взоръ брюнетки — какъ костеръ,
И что въ огнѣ его нерѣдко
Сгораютъ сердце... Что за вздоръ!
Ты цѣловать умѣешь мѣтко,
И по душѣ мнѣ твой задоръ!

Мнѣ говорятъ: не будь съ шатенкой:
Она блѣдна, скучна чуть-чуть...
Смѣюсь надъ дружеской оцѣнкой!
Дай запахъ косъ твоихъ вдохнуть,
Моя царица, — и колѣнкой
Стань, торжествуя, мнѣ на груди!

НА СМЕРТЬ ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ-АДАНЪ.

И ты отъ насъ ушелъ, какъ солнце сходить въ море
За тяжелой завѣсой пурпуровыхъ огней,
Уставъ одно сіять въ торжественномъ уборѣ
И надъ нѣмой землей и надъ тоской тѣней.

Да, ты отъ насъ ушелъ, спокойный, примиренный.
Ты зналъ, что въ небесахъ найдешь отчизну вновь :
Для сердца чистаго тамъ праздникъ просвѣтленный,
Тамъ пламенной любви отвѣтствуетъ Любовь!

Мы медлимъ, о тебѣ храня воспоминанье
Здѣсь, на землѣ, въ мечтахъ, нѣмѣющихъ давно.
Какъ сладостный елей для нашихъ душъ оно!

Вилье де Лиль-Аданъ! Мы жаждемъ дня свиданья!
Когда безсмертный свѣтъ зальетъ земную тьму,
Мы воспоемъ хвалу величью твоему!

Жоржъ Роденбахъ

В Е Ч Е Р Ъ.

Вступаетъ сумракъ въ домъ, и комната ему
Сдается безъ борьбы, безсильно и покорно.
И вдругъ становится пустынной и просторной.
Вотъ, первымъ, потолокъ ушелъ въ глухую тьму,
И тѣни тянутся, какъ нити паутины.
Поблекли краски всѣ; изъ почернѣвшихъ рамъ
Портреты праѣдковъ глядятъ суровѣй къ намъ.
Одѣлись трауромъ старинныя картины;
Померкло зеркало; въ темнѣющемъ стеклѣ
Давно искажены живыя отраженья;
У статуй бронзовыхъ въ колеблющейся мглѣ
Такъ неувѣрены застывшія движенья!
Тамъ былъ букетъ изъ розъ, но онъ во тьмѣ исчезъ,
И больше нѣтъ цвѣтовъ; медлительны и строги,
Повисли сумерки надъ складками завѣсъ,
Ихъ странно углубивъ, какъ колеи дороги,
И жмутся возлѣ лампъ, предчувствуя, что тѣ
Врагами стануть вдругъ въ пронзенной темнотѣ...
Но комната пока во власти тьмы всецѣло
И кажется въ тотъ часъ внезапно постарѣлой.

Б О Л Ъ З Н Ъ.

Болѣзнь намъ тихое даетъ уединенье,
И я ее сравню съ усталымъ челнокомъ,
Который спитъ въ водѣ, безъ всякаго движенья,
Привязанъ къ берегу веревкою съ кольцомъ.

Все лѣто онъ скользилъ по возмущенной влагѣ,
Подъ пѣсни шумныя лазурный сводъ дробя.
Потѣшныя огни да праздничные флаги,
Вотъ все, что каждый день онъ видѣлъ вкругъ себя.

Насталъ октябрь; теперь челнокъ съ молчаньемъ
Теперь вкругъ него синѣетъ небосклонъ. дружень,
Свободенъ сталъ челнокъ: онъ никому не нуженъ!
И, всей землѣ чужой, онъ небомъ окруженъ!

Эмиль Верхаренъ

Л О Н Д О Н Ъ.

То — Лондонъ, о мечта! чугунный и желѣзный,
Гдѣ стонеть яростно подъ молотомъ руда,
Откуда корабли идутъ въ свой путь беззвѣздный—
Къ случайностямъ морей, кто вѣдаетъ куда!

Вокзаловъ ѣдкій дымъ, гдѣ свѣтится мерцаньемъ,
Серебрянымъ огнемъ, скорбь газовыхъ рожковъ,
Гдѣ чудища тоски ревутъ по росписаньямъ
Подъ беспощадный бой Вестминстерскихъ часовъ.

Вдоль Темзы — фонари; не парокъ ли безсонныхъ
То сотни веретенъ вонзились въ темъ рѣки?
И въ лужахъ дождевыхъ, огнями озаренныхъ, —
Какъ утонувшіе матросовъ двойники.

И голоса гулякъ, и жесты дѣвки пьяной,
И надпись кабака, подобная Судьбѣ, —
И вотъ внезапно смерть въ толпѣ, какъ гость
незванный...
То. — Лондонъ, о мечта, влачащійся къ тебѣ!

Г О Л О В А.

На черный эшафотъ ты голову взнесешь
Подъ звонъ колоколовъ и глянешь съ пьедестала.
И крикнуть мускулы, и просверкаетъ ножъ, —
И это будетъ пиръ и крови и металла!

И солнце рдяное и вечера пожаръ,
Гася карбункулы въ холодной влагѣ ночи,
Узнаютъ, увидавъ опущенный ударъ,
Сумѣли ль умереть твое чело и очи!

Злодѣйство громкое вползеть въ народъ змѣей.
Свой океанъ смиривъ вокругъ помоста славы,
Толпа потомъ, какъ мать, принявъ твой гробъ простой,
Баюкать будетъ трупъ, кровавый и безглавый.

И ядовитое, какъ сумрачный цвѣтокъ
(Гдѣ зрѣетъ красный ядъ, какъ молніи сверканье),
Недвижное, какъ въ грудь вонзившійся клинокъ,
Пребудетъ о тебѣ въ толпѣ воспоминанье!

Подъ звонъ колоколовъ ты голову взнесешь
На черный эшафотъ, и глянешь съ пьедестала,
И крикнуть мускулы и просверкаетъ ножъ, —
И это будетъ пиръ и крови и металла!

КУЗНЕЦЪ.

Гдѣ выѣздъ въ поле, гдѣ конецъ
Жилыхъ домовъ, сѣдой кузнецъ,
Старикъ угрюмый и громадный,
Съ тѣхъ поръ какъ, ярость затая,
Легла руда подъ молотъ жадный,
Съ тѣхъ поръ какъ дымъ взошелъ надъ горномъ,
Куетъ и править лезвея,
Взнося удары надъ огнемъ упорнымъ...
Сѣдой кузнецъ, нѣмой старикъ,
Своимъ терпѣніемъ великъ.

И знаютъ жители селеня,
Тѣ, что по близости живутъ
И въ сжатыхъ кулакахъ таятъ ожесточенье,
Зачѣмъ онъ принялъ этотъ трудъ,
И что даетъ ему терпѣнье
Сдавить свой гнѣвный крикъ въ зубахъ!
А тѣ, живущіе въ равнинѣ, на поляхъ,
Чьи тщетныя слова — лай предъ кустомъ безъ звѣря,
То увлекаясь, то не вѣря,
Скрываютъ страхъ
И съ недовѣрчивымъ вниманьемъ
Глядятъ въ глаза, манящіе молчаньемъ.

Кузнецъ стучить, старикъ куетъ,
За днями день, за годомъ годъ.
Въ свой горнъ онъ бросилъ крикъ проклятій
И гнѣвъ, глухой и вѣковой.
Холодный дождь безвѣстныхъ ратей,
Въ свой горнъ, горящій, золотой,
Онъ бросилъ ярость, горестъ, — злобы
И мятежа гудящій ревъ,
Чтобъ дать имъ яркость молній, чтобы
Имъ дать закалъ стальныхъ клинковъ.

Вотъ онъ,
Сомнѣній чуждъ и чуждый страха,
Склоненный надъ огнемъ, внезапно озаренъ,
И пламя передъ нимъ, какъ рядъ живыхъ коронъ.

Вотъ, молотъ бросивши съ размаха,
Его вздымаетъ онъ, упрямя и напряжень,
Свой молотъ, вольный и блестящій,
Свой молотъ изъ руды творящій
Оружіе побѣдъ,
Тѣхъ, что провидитъ онъ за далью лѣтъ!

Предъ нимъ всѣ виды золь, безчестныхъ,
всевозможныхъ:
Голоднымъ бѣднякамъ — подарки словъ пустыхъ;
Слѣпцы, ведущіе увѣренно другихъ;
Желчь отвердѣвшая — въ рѣчахъ пророковъ ложныхъ;
Надъ каждой мыслью — робости рога;
Предъ справедливостью — условій баррикады;
И руки рабскія, не ждущія награды
Ни въ шумѣ городскомъ, ни тамъ, гдѣ спятъ луга;
И села, скошенные тѣнью,
Что падаетъ серпомъ отъ сумрачныхъ церквей;
И весь народъ, привыкшій къ униженью,
Упавшій ницъ подъ нищетой своей,
Не мучимый раскаяньемъ напраснымъ,
Сжимающій клинокъ, который станетъ краснымъ;
И право жить, и право быть собой —
Въ тюрьмѣ законности, толкуемой невѣрно;
И пламя радости и нѣжности мужской,
Погасшее въ рукахъ морали лицемѣрной;
И отравляемый божественный родникъ,
Въ которомъ жадно пьетъ сознание чловѣка; —
И послѣ всякихъ клятвъ, и послѣ всѣхъ уликъ,
Все то же вновь и вновь, донинѣ и отъ вѣка!

Кузнецъ, не вѣря въ договоры,
Давно замолкъ, давно молчитъ.
Онъ — изступленный тотъ, который
Вернется со щитомъ иль упадетъ на щитъ!
Онъ гордость, даръ мужчины, смѣло
Зубами воли сжавъ, не отдавалъ назадъ;
Онъ можетъ раздробить алмазы всѣхъ преградъ
Однимъ хотѣніемъ, не знающимъ предѣла,
Способнымъ въ глубинѣ вѣковъ
Творить законы для міровъ!

И слушая какъ снова, снова
Струятся слезы всѣхъ сердець, —
Невозмутимый и суровый,
Сѣдой кузнецъ,
Онъ вѣрить пламенно, что злобы неизмѣнной,
Глухихъ отчаяній безмѣрная волна
Однажды повернетъ къ иному времена
И золотой рычагъ вселенной!
Что должно ждать съ оружіемъ въ рукахъ,
Когда родится Мигъ въ чернѣющихъ ночахъ!
Что должно подавлять преступный крикъ разлада,
Когда знамена вѣтеръ споровъ рветъ;
Что меньше надо словъ, но лучше слушать надо,
Чтобъ Мига различить во мракѣ мѣрный ходъ;
Что знаменьямъ не быть ни на землѣ, ни въ небѣ,
Но что безмолвные возьмутъ свой жребій!
Онъ знаетъ, что толпа, возвысивъ голосъ свой,
(О, сила страшная, чей яркій лучъ далеко
Сверкаетъ на челѣ торжественнаго Рока),
Вдругъ выхватитъ безжалостной рукою
Какой то новый міръ изъ мрака и изъ крови,
И счастье выростетъ, какъ на поляхъ цвѣты,
И станетъ сущностью и жизни и мечты,
Все будетъ радостью, все будетъ вновь!

И ясно предъ собой онъ видитъ эти дни,
Какъ если-бъ, наконецъ, уже зажглись они:
Когда содружества простѣйшіе уроки
Дадутъ народамъ — миръ, а жизни — свѣтлый строй:
Не будутъ люди, злобны и жестоки,
Какъ волки, грызться межъ собой;
Сойдетъ Любовь, чья благодетная сила
Еще невѣдома въ послѣднихъ глубинахъ,
Съ надеждой къ тѣмъ, кого судьба забыла;
И брешь пробьетъ въ пузатыхъ сундукахъ,
(Гдѣ дремлетъ золото, хранимое напрасно),
День справедливости, несдержанной и красной;
Подвалы, тюрьмы, банки и дворцы
Исчезнутъ въ дни, когда умрутъ гордыни;
И люди, лишь себя величающіе нынѣ,
Себялюбивые слѣпцы,

Всѣмъ братьямъ расточать свои живые миги;
И будетъ жизнь людей проста, ясна;
Слова (ихъ угадать еще не могутъ книги)
Все разъяснять, раскроютъ все до дна,
Что кажется теперь запутаннымъ и темнымъ;
Причастны Цѣлому, съ своимъ удѣломъ скромнымъ
Сроднятся слабые; и тайны вещества,
Быть можетъ, явятъ тайну Божества...

За днями день, за годомъ годъ
Кузнецъ стучить, старикъ куеть
За гранью города, въ тиши,
Какъ будто лезвея души.
Надъ краснымъ горномъ наклонень,
Во глубь столѣтій смотреть онъ,
И ихъ сверканьемъ озарень —
Сѣдой кузнецъ, нѣмой старикъ,
Тотъ, что молчаніемъ великъ.

Б А Н К И Р Ъ.

Онъ — въ креслѣ выцвѣтшемъ, угрюмый, неизмѣнный,
Немного сгорбленный; порывистымъ перомъ
Онъ пишетъ за своимъ заваленнымъ столомъ,
Но мыслью онъ не здѣсь, — тамъ, на краю вселенной!

Предъ нимъ Батавія, Коломбо и Капштатъ,
Индійскій океанъ и гавани Китая,
Гдѣ корабли его, моря пересѣкая,
То съ бурей борятся, то къ пристани спѣшатъ;

Предъ нимъ тѣ станціи, что строилъ онъ въ пустыняхъ,
Тѣ иглы рельсъ стальныхъ, что онъ въ пескахъ провель,
По странамъ золота и драгоцѣнныхъ смоль,
Гдѣ солнце властвуетъ въ просторахъ слишкомъ
синихъ;

Предъ нимъ покорный кругъ фонтановъ нефтяныхъ,
И шахты темныя его богатыхъ копей,
И звонъ его конторъ, знакомыхъ всей Европѣ,
Звонъ, что пьянитъ, зоветъ, живетъ въ умахъ
людскихъ;

Предъ нимъ властители народовъ, побѣжденныхъ
Его вліяніемъ; онъ можетъ ихъ рубежъ
Расширить, иль стѣснить, иль бросить ихъ въ мятежъ,
По прихоти своихъ расчетовъ потаенныхъ;

Предъ нимъ и та война, что въ городахъ земныхъ
Онъ какъ король ведетъ, безъ выстрѣловъ и дыма,
Зубами мертвыхъ цифръ грызя неутомимо
Кровавые узлы загадокъ роковыхъ.

И, въ креслѣ выцвѣтшемъ, угрюмый, неизмѣнный,
Порывисто чертя узоры бѣглыхъ строкъ,
Своимъ хотѣніямъ онъ подчиняетъ Рокъ, —
И бѣлый ужасъ въ рогъ трубить по всей вселенной!

О золото, что онъ собираетъ въ разныхъ странахъ;
И въ городахъ, безумствующихъ, пьяныхъ,
И въ селахъ, изнывающихъ въ трудѣ,
И въ свѣтѣ солнечномъ, и въ воздухѣ, — вездѣ!
О золото крылатое, о золото парящее!
О золото несытое, жестокое и мстящее!
О золото лучистое, сквозь темный вихрь горящее!
О золото живое,
Лукавое, глухое!
О золото, что порами нужды
Безсонно пьетъ земля съ Востока до Заката!
О злато древнее, краса земной руды,
О вы, куски надеждъ и солнца! злато! злато!

Чѣмъ онъ владѣетъ, онъ не знаетъ.
Быть можетъ, башни превышаетъ
Гора накопленныхъ монетъ!
Но все холодный, одинокій,
Онъ, какъ добычу долгихъ лѣтъ,
Съ какой бы радостью глубокой
Небесъ охранѣ вѣковой
Довѣрилъ самый шаръ земной!

Толпа его клянеть, и всѣ ему покорны,
Ему завидуя. Стоитъ онъ, какъ мечта.
Всемирная алчба, сердецъ пожаръ упорный,
Сжигаетъ души всѣхъ, его-жъ душа — пуста,

И если онъ кого обманеть, что за дѣло!
На-завтра тотъ къ нему стучится вновь несмѣло,
Его могущество, какъ токъ нагорныхъ водъ,
Съ собой влечетъ въ водоворотъ
(Какъ камни, листья и растенья)
Имущества, богатства, сбереженья
И малые гроши,
Которые въ тиши
Копили бѣдняки въ поту изнеможенья.

Такъ, подавляя все Ньягарами своей
Растущей силы, онъ, сутулый и угрюмый,
Надъ грудями счетовъ весь погруженный въ думы,
Рѣшаетъ судьбы царствъ и участь королей.

М О Р Ъ .

Смерть себѣ спросила крови
Здѣсь, въ трактирѣ „Трехъ Гробовъ“.

Кто попросить о прибавкѣ?
Смерть садится на прилавкѣ,
Бросивъ черный золотой.

„Вамъ на трауръ и на свѣчи!“
Сѣла, бросивъ золотой.
Стихли пѣсни, смолкли рѣчи, —
И послали старика
Поискать духовника.

Вотъ кюрэ пронесъ причастье
Къ дому страха и несчастья, —
Къ дому радости недавней...
И закрылись тихо ставни.

Смерть себѣ спросила крови,
Пьетъ, и вотъ пьяна!

— „Матушка Смерть! пощади, пощади!
Пей свой стаканъ не до дна!
Матушка Смерть! погляди, погляди, —
Наша мольба на ладонкѣ видна!

Матери мы, деревенскія тетки.
Какъ безконечныя четки,
Тянемся мы, безъ надеждъ бормоча,
Въ рваныхъ платкахъ, костылями стуча.
Отражаются въ старческомъ взорѣ
Годы и горе.
Мы — снѣдь для могильныхъ червей,
Цѣль для косы твоей!“

Полно вамъ, старухи!
Смерть—пьяна.
Капли крови, какъ вина,
Ей забрызгали колетъ,
Покрывающій скелетъ.
Пьяные на просьбы глухи.
Голова ея качается,
На плечахъ, какъ шаръ катается.
Даромъ денегъ Смерть не бросить.
Что нибудь за деньги спросить
Здѣсь, въ трактирѣ „Трехъ Гробовъ“,
Съ бѣдняковъ!

— „Матушка Смерть! Это мы — ветераны,
(Много насъ, много! болятъ наши раны!)
Черные пни на просѣлкѣ лѣсной,
Гдѣ ты когда то гуляла съ войной!
Знаемъ другъ друга мы. Въ дымѣ и гулѣ
Ты намъ была и видна и слышна:
Ты передъ нами несла знамена,
Ядра катала и сыпала пули.
Гордая, строгая, видѣлась ты
На кругозорѣ гудящей мечты,
Быстро вставала на бой барабановъ,
Первая въ битву бросалась впередъ!..
Матушка Смерть! наша слава! оплотъ!
Выслушай насъ, стариковъ ветерановъ:
Насъ обойди, сыновей не губя!
Гдѣ малышамъ постоять за себя!“

Полно вамъ болтать безъ толку!
Разойдитесь втихомолку!
Что ей старый вашъ костыль!

Смерть пьяна; сидить, качается,
Голова ея катается,
Какъ въ дорожныхъ рвахъ бутылъ.
Посидѣвъ у васъ въ трактирѣ,
Погулять успѣетъ въ мирѣ,
Посреди людскихъ племень,
Подъ случайностью знамень!

— „Матушка Смерть! это — я, Богородица.
Видишь, въ коронѣ своей золотой,
Я на колѣняхъ стою предъ тобой.
Я — изъ часовни, съ горы, Богородица.
Вышла тебя попросить за село.
Тысячу лѣтъ ужъ прошло,
Какъ мою душу скорбящую,
Передъ крестомъ предстоящую,
Горе, какъ мечъ безошадный, прошло.
Матушка Смерть, это — я, Богородица.
Жителямъ здѣшнимъ дала я обѣтъ
Ихъ защищать въ дни несчастья и бѣдъ...
Вотъ и тебя умолять мнѣ приходится!“

Матерь Божья! и на словѣ
Благодарны мы тебѣ.
Только смерть — какъ не въ себѣ,
Снова хочетъ крови!
Въ отуманенномъ сознаньи
У нея одно желанье,
Смерть пьяна!
Тихихъ просьбъ она не слышитъ!
Вотъ, утомлена,
Руки свѣсила она,
Но, какъ прежде, злобой дышитъ:
Злость ея несется вскачь,
Словно мячъ,
Черезъ мость,
Изъ деревни на погость.

— „Смерть! это я — Иисусъ и твой царь!
Создалъ я самъ тебя, древнюю, встарь,
Чтобъ исполнялся законъ
Вещей и временъ.
Мои пригвожденные руки
Благословили послѣднія муки.

Смерть! Я былъ мертвъ и воскресъ.
Я — манна съ небесъ.
На землю сошелъ я смиренно
Вернуть заблудшихъ овецъ,
Я — твой царь и отецъ,
Я — миръ вселенной! “

Черепъ къ огню наклона,
Смерть сидитъ у огня,
Пьетъ за стаканомъ стаканъ и качается,
Полузакрывши глаза,
Улыбается.
У Господа громъ, а у Смерти коса!
Хочетъ кто пить, такъ садись передъ ней, —
Всѣхъ угостить изъ бутылки своей,
Сколько вздумаешь, пей,
Лишь не проси за дѣтей и внучатъ!
Каждый пьетъ на свой ладъ!

КЪ МОРЮ.

На вѣчномъ трепетаньи струй,
Какъ вещи хрупкія, — вдали
Спятъ золотые корабли.

И вѣтеръ — нѣжный поцѣлуй —
Чуть шепчетъ вслухъ,
И пѣна волнъ,
Лаская чолнъ, —
Какъ пухъ.

На морѣ — праздникъ, воскресенье!

Какъ женщины съ богослуженья,
Идутъ къ землѣ и въ небеса —
Тамъ облака, здѣсь паруса:
На морѣ праздникъ, воскресенье!
Порой вдали сверкнетъ весло,
Какъ ограненное стекло.

Собой и часомъ просвѣтленный
И въ перламутровый уборъ
Вперяя взоръ свой ослѣпленный,
Кричу я въ блещущій просторъ:
„О море! ты, какъ царь, одѣто
Въ атласъ отливный, въ шолкъ цвѣтной!
Ты мощь немеркнущаго лѣта
Сливаешь съ ласковой весной!

И рядъ твоихъ зеркаль качая,
Съ волны сбѣгая на волну,
Кочуютъ вѣтры, зажигая
Ихъ голубую глубину.

Ты — пламенность; скользя по волнамъ
Хотѣли-бъ гимнъ свой пѣть лучи, —
Но молкнуть въ золотѣ безмолвномъ
Твоей блистающей парчи!

О море, общее наслѣдство
Простой, печальной красоты!
Мое мечтательное дѣтство,
Мой робкій возрастъ — это ты!

Ты — изступленный, благодатный
Восторгъ давно отшедшихъ дней!
Ты полно нѣгой невозвратной
Безумной юности моей!

Сегодня, въ день твой просвѣтленья,
Прибоемъ пѣнистымъ маня,
На новый бой, на достиженья
Прими въ приливъ свой и меня!

Я буду жить съ душой освобожденной
Подъ взорами глубокихъ, ясныхъ лицъ,
Что внизъ глядятъ съ таинственныхъ границъ,
Какъ рвемся мы къ ихъ высотѣ бездонной;
Вещей живой водоворотъ
Меня помчитъ и увлечетъ
Въ потокъ единый превращеній;

Я буду — грезой скаль, я буду — сномъ растеній;
Въ артеріи мои вольется кровь боговъ,
И, какъ стрѣлу, направлю въ даль вѣковъ
Я власть моихъ хотѣній!

Во мнѣ ложится тѣнь. Какъ колея
Обходить глубоко вокругъ вспаханнаго поля,
Обведена годами мощь моя.
Ужъ не всегда, какъ мечъ, во мнѣ багряна воля,
И гордость не всегда, какъ дерево въ цвѣту,
И съ меньшей страстностью своимъ лицомъ зеленымъ
Хватаетъ буйный вѣтеръ на лету, —
Тотъ, что въ людскихъ лѣсахъ проносится циклономъ.

О море! чувствую, какъ сякнуть родники
Въ моей душѣ — равнинѣ пожелтѣлой...

Еще хоть разъ огнями облеку

Мое измученное тѣло,

Пока послѣдній часъ, отмѣченный въ Судьбѣ,

Его не возвратитъ, уже навѣкъ, — тебѣ!

Да! въ неистомный вихрь зачатій и рожденій,

О море, примешь ты когда-нибудь мой прахъ!

Ты будешь мчать его въ бушующихъ волнахъ,

Ты съ Красотой своей мои смѣшаешь тѣни;

Гробницей будетъ мнѣ безмѣрность силъ твоихъ,

Ихъ тайные труды, ихъ подвигъ сокровенный,

И существо мое въ котлѣ вселенной

Исчезнетъ, растворясь среди естествъ другихъ, —

Но возвратится вновь, чрезъ тысячи столѣтій,

Вновь дикимъ, дѣвственнымъ, какъ въ міръ приходятъ
дѣти:

Ничтожный комъ земли, взглянувшій въ небеса,

Мгновенье новое сознанья,

Едва замѣтное сверканье,

Недвижной Вѣчности зажегшее глаза!“

На тихомъ трепетаньи струй,

Какъ яркіе гроба, — вдали

Спятъ золотые корабли.

Но вѣтеръ — нѣжный поцѣлуй —

Чуть шепчетъ вслухъ,

И пѣна волнъ,

Лаская чолнъ,

Какъ пухъ.

НЕ ЗНАЮ, ГДѢ.

Это гдѣ-то на сѣверѣ, гдѣ — я не знаю,
Это гдѣ-то на полюсѣ, въ мірѣ стальномъ,
Тамъ, гдѣ стужа когтями скребется по краю
Селитренныхъ скалъ, изукрашенныхъ льдомъ.

Это — холодъ великій, едва отраженный
Въ серебряномъ зеркалѣ мертвыхъ озеръ;
Это — иней, что точитъ, грызетъ истомленный,
Низкорослый, безлиственный боръ.

Это — полночь, громадная бѣлая глыба
На серебряномъ зеркалѣ мертвыхъ озеръ;
Это — полночь, что сердце грызетъ, ущемляетъ,
Но гигантской рукой раздвигаетъ
Холодный и звѣздный просторъ.

Въ дали полуночной, безвольной
Это — смолкнувшій звонъ колокольный,
Это — убранный снѣгомъ и льдами соборъ.

Это — хоръ похороненный, съ которымъ безъ словъ
я рыдаю,
Литургія Великаго Холода, въ мірѣ стальномъ.
Это гдѣ-то, — не въ старомъ ли сѣверномъ краѣ? —
не знаю!
Это гдѣ-то, — не въ старомъ ли сѣверномъ сердцѣ?
— въ моемъ!

МОЛИТВЕННО.

Ночь въ небо зимнее свою возносить чашу.

И душу я взношу, скорбящую, ночную,
О Господи, къ Тебѣ, въ Твои ночныя дали!
Но нѣтъ въ нихъ ничего, о чемъ я здѣсь тоскую,
И капля не падаетъ съ небесъ въ мои печали.
Я знаю: Ты — мечта! И все жъ во мракѣ ночи,
Колѣни преклонивъ, Тебѣ молюсь смиренно...
Но Твой не внемлетъ слухъ, Твои не видятъ очи,
Лишь о самомъ себѣ я грежу во вселенной.
О сжался, Господи, надъ бредомъ и страданьемъ,
Я долженъ скорбь излить здѣсь, предъ Твоимъ
молчаньемъ.

Ночь въ небо зимнее свою возносить чашу.

Шарль ванъ Лербергъ

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ЕВЫ.

I.

Дождь, мой братъ,
Лѣтній, теплый, милый!
Чуть твои шажки стучать,
Легконогій, легкокрылый!

Развязалось ожерелье,
Перлы падаютъ вокругъ,
Пой, малиновка, веселье,
Попляши, скворецъ, мой другъ!
Пойте, пойте всѣ листочки,
Попляшите всѣ цвѣточки,
Веселися, старый лѣсъ, —
Свято, свято, что съ небесъ!

Дождь мнѣ улыбнулся,
Весело глазами;
Дождь меня коснулся
Влажными руками,
Тысячами рукъ...
Здравствуй дождь, мой братъ, мой другъ!

На коверъ травы,
Отъ зари до тьмы,
И отъ тьмы до утра,
Зерна перламутра
Льются, льются, льются,
Катятся и бьются...

Выйдетъ солнце, золотя
Травы нѣжными лучами,
И осушить волосами,
Золотыми волосами,
Ноги влажныя дождя.

ИЗЪ ПЪСЕНЪ ЕВЫ.

II.

„Замкнись, магическій кругъ!
Стань замкнутымъ, лунный лугъ!
Свѣтъ голубой,
Роковой чертой
Вокругъ нея обойди, будь вокругъ!

Мигъ за мигомъ, шагъ за шагомъ,
Вовлечемъ ее
Въ царство лунное свое“.

— Замкнулись врата,
Я заперта
Въ нашемъ дворцѣ, легкокрылыя феи.
Развѣ для васъ у лѣснаго ключа
Я не сбирала сегодня лилеи?

„Холодно намъ“.

— Васъ я согрѣю,
Вамъ все дыханье отдамъ,
Что же еще вы хотите?

„Твоей души,
Ясной лампы, дрожащей въ тиши“

— Что же, возьмите
Душу мою и сердце мое,
Все!

„Было намъ холодно, — ты насъ согрѣла,
Было намъ грустно, — ты пѣсню пропѣла,
Не оставила нашихъ желаній
Безъ отвѣта.
Хочешь взамѣнъ — платьевъ какъ радуга?
Хочешь взамѣнъ — платьевъ какъ крылышки?
Тканей,
Изъ лазури и луннаго свѣта?“

— Нѣтъ, я хочу быть нагой,
Какъ цвѣты и какъ ангелы.

„Хочешь того, что лежитъ подъ землей,
Въ пещерахъ завѣтныхъ?
Хочешь камней самоцвѣтныхъ?
Они вплетены у насъ въ косы,
Словно стрекозы
Изъ лазури и яркаго пламени“.

— Нѣтъ, мнѣ не надо того, что лежитъ подъ
землей.

„Хочешь, тебя обратимъ
Въ птичку иль бабочку?
Въ пламя иль въ облачко?
Въ лучъ или въ дымъ?“

— Пусть буду
Свободна, какъ пѣсня,
Какъ вы, легкокрылыя феи,
Какъ пламя, что рѣветъ
Повсюду,
Не внемля и Богу!

„Пусть исполнится воля твоя!
Будь свободна, земное дитя!
Не внемли и Богу!
Мы будемъ повсюду съ тобой,
Незримый рой,
Какъ живыя мечты,
Вездѣ, гдѣ ты!

Раскройся замкнутый лугъ,
Разомкнись магическій кругъ.
Чу! близокъ свѣтъ,
Ночи нѣтъ,
И гдѣ-то пропѣлъ пѣтухъ“.

ИЗЪ ПЪСЕНЪ ЕВЫ.

III.

Не ярокъ, не жгучъ,
Лунный лучъ,
На чело мнѣ надѣнь діадему,
И бѣлымъ плащемъ
Покрой мои плечи,

Невинная рѣчи
Блѣднымъ перстомъ
Вложи мнѣ въ уста,

И будь,
Межъ пальцевъ моихъ,
Ясенъ и тихъ,
Какъ скипетръ
Царства, чье имя — Мечта!

Морисъ Метерлинкъ

У Н Ы Н І Е.

Павлины, бѣлые павлины, уплыли при лучахъ луны,
Павлины, бѣлые павлины, уплыли плавно навсегда,
Уплыли бѣлые павлины, мои томительные сны,
До пробужденья, до разсвѣта, во глубь заглохшаго
пруда,

Павлины, бѣлые павлины, мои томительные сны,
Уплыли плавно въ глубь глухую, гдѣ дремлетъ
тусклая вода,
Въ глухую глубь пруда безъ солнца, гдѣ волны полны
тишины,
Павлины, бѣлые павлины, уплыли плавно навсегда.

ДУША ТЕПЛИЦЫ.

Мой взоръ видѣньями томимъ.
Душа, подъ стеклами теплицы,
Озолочая глубь темницы,
Цвѣтетъ подъ сводомъ голубымъ.

Теплицы сдержанныхъ мечтаній!
У рамъ закрытыхъ лилій строй!
Камышъ, возросшій надъ водой!
И всѣ мечты безъ упованій!

О, еслибъ снова я достигъ,
Сквозь сонъ моихъ рѣсницъ смеженныхъ,
До розъ, когда-то благовонныхъ,
Полузакрытыхъ грезъ моихъ!

Я жду, что снова предъ очами
Зазеленѣетъ ихъ мечта,
И мѣсяцъ синими перстами
Въ молчаньи распахнетъ врата.

НАМЪРЕНІЯ.

Сжальтесь надъ унылыми глазами,
Гдѣ душа мечтаетъ о своемъ,
Сжальтесь надъ нескрытыми цвѣтами,
Надъ тоской на берегу ночномъ!

Смущены таинственныя воды;
Лиліи дрожатъ въ ихъ глубинѣ,
И бѣгутъ по влагѣ вдаль разводы...
Эти всѣ видѣнія — во мнѣ!

Боже! Боже! на стебляхъ отъ лилій
Вырастаютъ странные цвѣты;
Мѣрно взмахи серафимскихъ крылій
Двигуютъ воду въ озерѣ мечты.

И за чашей чаша расцвѣтаетъ
На водѣ, по знаку, въ этотъ часъ,
И душа, какъ лебедь, открываетъ
Крылья бѣлыя усталыхъ глазъ.

ДУША НОЧИ.

Душа грустна въ концѣ концовъ;
Душа устала отъ печали,
Мечты отъ тщетныхъ думъ устали,
Душа грустна въ концѣ концовъ...
Коснись рукой моихъ висковъ!

Твоей руки такъ ждетъ лицо!
Твоя рука — какъ ангель снѣжный!
Приди — и принеси кольцо.
Что кладъ на днѣ, — то холодъ нѣжный,
Что мнѣ повѣсть на лицо!

Коснись меня рукой цѣлебной,
Чтобъ я не умеръ въ часъ лучей,
Безъ упованій, въ часъ лучей!
Омой мнѣ взоръ росой волшебной,
Мой взоръ, гдѣ дремлетъ міръ скорбей!

Мой взоръ, гдѣ лебеди скользятъ,
Плывутъ въ волнахъ, за рядомъ рядъ,
И тянутъ шеи, изнывая;
Гдѣ сонмъ больныхъ на зимній садъ
Глядитъ, въ дверяхъ цвѣты срывая!

Коснись лица въ завѣтный часъ!
Твоя рука, какъ ангелъ снѣжный!
Омой росой усталость глазъ,
Траву сухую этихъ глазъ,
Гдѣ овцы дремлютъ безмятежно!

---

* * *

Семь дочерей Орламонды,
Когда умерла ихъ мать,
Изъ дворца своей матери — феи
Рѣшили бѣжать.

Зажгли семь свѣтильниковъ дѣвы,
Проходили за залами залъ,
Прошли четыреста комнатъ, —
Вездѣ мракъ стоялъ.

Спустились въ звонкіе гроты,
Гдѣ ручей томился, пѣвучъ,
И нашли у запертой двери
Золотой ключъ.

И сквозь щели блеснуло имъ море,
Зовя въ волнахъ умереть,
Но предъ дверью замерли дѣвы,
Боясь отпереть.

---

* * *

Были у ней золотыя короны,
Кому ихъ, всѣ три, подарила она?

Она подарила первую матери:
Золотыя тенета купила она
И ее держала въ оковахъ все лѣто.

Она подарила вторую возлюбленнымъ:
Серебряной вязи купили они
И ее держали въ оковахъ всю осень.

Она подарила послѣднюю дочери:
Желѣзныя цѣпи купила она
И ее держала въ оковахъ всю зиму.

* * *

Трехъ дѣвушекъ ночью убили они,
Три дѣвичья сердца открыли они.

Было радостью полно первое сердце:
И тамъ, гдѣ на землю текла его кровь,
Три змѣи извивались три года.

Было кротостью полно второе сердце
И тамъ, гдѣ на землю текла его кровь,
Три ягненка паслися три года.

Было горестью полно третье сердце:
И тамъ, гдѣ на землю текла его кровь,
Три ангела пѣли три года.

* * *

Я тридцать лѣтъ искала, сестры,
Гдѣ скрылся Онъ?
Я тридцать лѣтъ блуждала, сестры,
И все — какъ сонъ.

Я тридцать лѣтъ блуждала, сестры,
Прошла вездѣ,
Онъ былъ во всемъ и всюду, сестры,
И — все жъ нигдѣ!

Насталь печальный вечерь сестры!
Мой посохъ — прочь!

Моя душа страдаетъ, сестры,
И скоро ночь!

Но вамъ шестнадцать лѣтъ, о, сестры!
Что жизнь моя!
Взявъ посохъ мой, ступайте, сестры,
Искать, какъ я!

ПѢСНИ МЭЛИЗАНДЫ.

Три сестры слѣпя,
(Есть надежда, есть)
Взяли три слѣпя —
Лампы золотыя.

Три сестры на башнѣ,
(Мы, онѣ и вы)
Три сестры на башнѣ,
Ждутъ въ тоскѣ всегдашней.

Слышу, — молвить Фрея, —
(Есть надежда, есть)
Слышу, — молвить Фрея, —
Тихій вѣтеръ вѣетъ.

Слышу, — молвить Анна; —
(Мы, онѣ и вы)
Слышу, молвить Анна, —
Близокъ царь желанный.

Тише, — молвить Герта
(Нѣтъ надежды, нѣтъ)
Тише, — молвить Герта, —
Свѣтъ погасъ отъ вѣтра...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Альфредъ де-Виньи	3
Викторъ Гюго	7
Альфредъ де-Мюссе	13
Теофиль Готье	15
Шарль Бодлэръ	21
Стефанъ Маллармэ	26
Поль Верлэнъ	28
Жоржъ Роденбахъ	36
Эмиль Верхаренъ	38
Шарль ванъ Лербергъ	53
Морисъ Метерлинкъ	57
Анри де-Ренъе	62

Русское Универсальное Издательство

Берлинъ, Лютерштрассе 29.

„Всеобщая Библіотека”

Новое въ наукѣ, искусствѣ и социальной жизни.

- № 1. **Проф. С. Абрамовъ.** Проблема омоложения по Штейнаху.
- № 3. **М. Смоленскій.** Троцкій.
- № 4. **Б. Дюшенъ.** Теорія относительности Эйнштейна.
- № 5. **В. Сольскій.** Крестная ноша.
- № 6. **Д-ръ А. Колодный.** Новое въ медицинѣ.
- № 7. **В. Зензиновъ.** Русское Устье.
- № 8. **Проф. Д. Пестрицевъ.** Русская промышленность послѣ революціи.
- № 9. **Д-ръ В. Лызловъ.** Здоровая и больная личность.
- № 10. **Проф. Б. Яковенко.** Философія большевизма.
- № 11. **Проф. С. Абрамовъ.** Современное ученіе объ иммунитетѣ.
- № 12. **Владимиръ Сольскій.** Ленинъ.
- № 13-14. **К. Каутскій.** Соціализація сельскаго хозяйства. (Съ пред. авт. къ рус. изд.)
- № 15. **Б. Дюшенъ.** Окраинныя государства.
- № 17. **Пр. Доц. Б. Соколовъ.** Наука въ Сов. Россіи.
- № 18. **Б. Дюшенъ.** Физика души.
- № 19. **Проф. Д. Пестрицевъ.** Рабочій вопросъ въ Совѣтской Россіи.
- № 28-29. **И. Степановъ.** Психологія сновидѣній.
- № 30. **М. Слонимъ.** Предтечи русскаго большевизма.
- № 34-35. **Б. Яковенко.** Очерки русской философіи.

„Всемирный Пантеонъ”

Памятники мировой литературы.

- № 1-2. **Шекспиръ.** Гамлетъ.
№ 3-4. **Гете.** Фаустъ.
№ 5. **Гейне.** Изъ „Книги Пѣсень“.
№ 6-7. **Диккенсъ.** Гимнъ Рождеству.
№ 8-9. **Додэ.** Тартаренъ изъ Тараскона.
№ 10. **Козьма Прутковъ.** Избранныя сочиненія.
№ 11. **Шекспиръ.** Макбетъ.
№ 12-13. **Изъ новой нѣмецкой лирики.**
№ 14. **Э. Поэ.** Убійство въ улицѣ Моргъ.
№ 17-18. **Диккенсъ.** Сверчокъ на печи.
№ 19. **Г. фонъ Гофмансталъ.** Смерть Тиціана.
№ 20. **Французская лирика.**
№ 21-22. **Бокначю.** Декамеронъ.
№ 24-25. **Еврейскій сборникъ.**
№ 26-27. **Данте.** Адъ.

Дальнѣйшіе выпуски готовятся къ печати.

Russischer Universal Verlag G.m.b.H.

Berlin W 62, Lutherstr. 29.